

На правах рукописи

Устимов

Устимов Олег Владимирович

**Ф.М. ДОСТОЕВСКИЙ И СПИРИТИЗМ: ПОЭТИКА И
КУЛЬТУРНО-СЕМИОТИЧЕСКАЯ ПРЕДЫСТОРИЯ**

Специальность 5.9.1. Русская литература и литературы
народов Российской Федерации

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Воронеж – 2024

Работа выполнена в федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования «Воронежский государственный университет»

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Фаустов Андрей Анатольевич

Официальные оппоненты: **Креницын Александр Борисович**, доктор филологических наук, профессор, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова», кафедра истории русской литературы, профессор

Тоичкина Александра Витальевна, кандидат филологических наук, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет», кафедра славянской филологии, доцент

Ведущая организация: ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена»

Защита состоится 12 февраля 2025 г. в 15.00 часов на заседании диссертационного совета 24.2.288.13, созданного на базе ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет», по адресу: 394018, г. Воронеж, пл. Ленина, 10, ауд. 37.

С диссертацией можно ознакомиться в Зональной научной библиотеке ВГУ и на сайте <http://www.science.vsu.ru/disser>

Автореферат разослан «__» декабря 2025 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Алейников Олег Юрьевич

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Спиритизм – религиозное движение, распространившееся в Америке и Европе во второй половине XIX века, в основе которого лежало представление о возможности коммуникации с душами умерших и научного постижения загробной жизни. В последние десятилетия это течение привлекает внимание исследователей, поскольку полноценное рассмотрение интеллектуального ландшафта прошлого невозможно без учета всех без исключения взглядов и воззрений того времени.

Данное исследование обращается к изучению места и роли спиритизма в творчестве и мировоззрении Достоевского. Православный христианин, противник научного мировоззрения и социалистических идей, Достоевский в последние годы жизни размышлял над феноменом спиритизма и в процессе его отвержения уточнял собственные представления о вере, науке и обществе.

Следует отметить, что мы, говоря о спиритизме, учитываем прежде всего ту культурно-семиотическую конфигурацию, с которой спиритизм *per se* был неразрывно связан и которая проявляет себя в литературном дискурсе не только на уровне идей, но и на уровне поэтики. Для этого в нашей работе мы вводим понятие «спиритического кода», которое определяем как семиотическую диспозицию, основывающуюся на признании того, что коммуникация с умершими возможна, что она может быть подвергнута эмпирической верификации и что существуют особые субъекты, которые выполняют при таком сообщении миров роль посредников и гарантов истинности переданной информации.

Актуальность исследования обусловлена, с одной стороны, неослабевающим интересом в России и в мире к творческому, философскому и религиозному наследию Достоевского, а с другой – ростом в гуманитарных науках в последние десятилетия интереса к периферийным и маргинальным сторонам интеллектуальной истории, изучение которых позволяет составлять более целостную картину эпохи. Диссертационное исследование вносит свой вклад как в понимание Достоевского, так и в развитие этой научной линии,

будучи посвящено истолкованию рецепции писателем такого маргинального религиозного движения, как «спиритизм», и анализу этой рецепции на фоне прочих культурно-семиотических феноменов и в сопоставлении с ними.

Объект исследования – феномен спиритизма в мировоззрении и художественном творчестве Достоевского.

Предмет изучения – рецепция и репрезентация спиритизма в публицистических и художественных текстах Достоевского, система связей и отношений спиритизма с темами, которые так или иначе сопрягаются с ним.

Соответственно, **цель исследования** – изучить особенности рецепции и репрезентации спиритизма в творчестве Достоевского.

Для решения этой цели были определены следующие задачи:

1. Описать общие положения спиритической доктрины и этапы ее эволюции в XIX веке, обозначить расхождения между разными ветвями спиритизма.
2. Определить роль и общественное восприятие спиритизма в русской культуре второй половины XIX века.
3. Проанализировать репрезентацию спиритизма в русской литературе второй половины XIX века и его отражение в поэтике конкретных произведений – «Жертвы вечерней» П. Д. Боборыкина и «таинственных повестей» И. С. Тургенева.
4. Изучить с опорой преимущественно на публицистические тексты воззрения Достоевского на идеологическое содержание и социальное влияние спиритизма.
5. Исследовать функции появления спиритизма в художественных текстах Достоевского и механизмы литературного преломления взглядов писателя на спиритизм.
6. Установить систему отношений между спиритизмом и близкими в понимании Достоевского темами – демонической, научной, утопической и пр.
7. Раскрыть в сравнительном контексте особенности спиритической кодировки демонологии у Достоевского и Э.А. По.

8. Рассмотреть в спиритической перспективе такие центральные для понимания Достоевского категории, как идея, голос и письмо.

9. Показать на примере «Пушкинской речи» Достоевского воздействие «спиритического кода» на осмысление во второй половине XIX века литературной коммуникации.

Материал исследования. Ядром исследуемого корпуса текстов служат статьи Достоевского в «Дневнике писателя», посвященные спиритизму. Вторым уровнем материала являются романы, написанные Достоевским после ознакомления с феноменом спиритизма и отразившие его размышления на эту тему – «Бесы», «Братья Карамазовы», в меньшей степени «Подросток», а также рассказ «Сон смешного человека». Третьим уровнем выступает остальная часть корпуса произведений Достоевского, в которой, как мы полагаем, возможно усмотреть истоки и аналоги тех ключевых тем, с которыми у Достоевского связывался спиритизм. Кроме того, в материал исследования входят имеющие отношение к истории спиритизма тексты и те произведения современников Достоевского, в которых отразилось увлечение эпохи этим религиозным движением.

Методологической основой исследования выступают труды отечественных и зарубежных исследователей: В. С. Раздьяконова, И. Ю. Веницкого, И. Л. Волгина, М. М. Бахтина, А. Б. Криницына, А. В. Тоичкиной, В. Е. Ветловской, М. Джонса, Л. И. Сараскиной, Ю. Корригана, Д. Мартинсен, Т. А. Касаткиной, Б. Н. Тихомирова, А. А. Фаустова, В. Н. Топорова, Р. Уильямса, Р. Барта, Ж. Лакана, М. Долара и др.

Научная новизна диссертации обусловлена отсутствием на данный момент монографической работы, в центре которой стояла бы проблема понимания и репрезентации в творчестве Ф. М. Достоевского спиритизма как религиозного и общественного феномена.

Теоретическая и практическая значимость работы. Проведенное исследование открывает ещё одно звено, связывающее религиозные и

этические взгляды Достоевского с его художественными произведениями и их поэтикой. Понимание сути размышлений писателя о спиритизме как социальном и религиозном феномене позволяет проследить непрерывный переход между биографическими эпизодами, рефлексией Достоевского как биографического автора, ее публицистической интерпретацией в «Дневнике писателя» и воплощением в художественных текстах. Диссертация вносит свой вклад в изучение религиозных и этических взглядов писателя, поэтики и характерологии его произведений. Материалы исследования могут быть использованы при чтении курсов по истории русской литературы и интеллектуальной истории России.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Спиритизм во второй половине XIX века являлся значимым элементом культуры и отражал в себе, при всей своей маргинальности, основные модели мышления эпохи; он может рассматриваться в качестве интеллектуального артефакта, представляющего концентрированный дух времени и позволяющего понять его.

2. Спиритизм регулярно выступал объектом изображения в художественных текстах и становился принципом их поэтики, примеры чего можно обнаружить в цикле «таинственных повестей» И. С. Тургенева и в романе П. Д. Боборыкина «Жертва вечерняя».

3. Феномен спиритизма, с которым Ф. М. Достоевский познакомился в начале 1870-х годов, надолго стал предметом его размышлений, сыграл свою роль (через отвержение) в формировании религиозно-этических взглядов писателя, нашедших свое окончательное воплощение в романах «Бесы», «Подросток», «Братья Карамазовы».

4. Вера для Достоевского может основываться только на свободе, дарованной человечеству Христом. Чудеса и научные аргументы в пользу существования бессмертия, стоявшие в центре спиритической доктрины, лишают человека этой свободы, вынуждая его принять загробную жизнь как неопровержимо доказанный факт.

5. Демоническое связывается Достоевским с понятиями отчуждения (как внешнего – от общества, так и внутреннего – от самого себя), отказа от собственной свободы, передачи себя во власть Другого, подчинения законам материальной природы. Поэтому спиритизм для писателя выступает квинтэссенцией темных сил, собирая в себе все разрозненные элементы демонического.

6. Спиритизм как ассамбляж религиозных, научных и социально-политических положений может выступать в качестве особого кода для интерпретации металитературных текстов второй половины XIX века. «Пушкинская речь» Достоевского и ситуация ее произнесения в качестве такого текста находят множество соответствий в спиритической диспозиции.

7. Ключевые категории поэтики Достоевского, такие как «идея», «голос» и «письмо», складываются в семантическую систему, которая может быть соотнесена со спиритической доктриной. Впоследствии на основе подобной системы предпосылок возникнут такие явления культуры, как психоанализ и сюрреализм.

Апробация работы. Основные положения и результаты исследования были изложены в докладах и сообщениях на межрегиональных и международных научных конференциях: Межрегиональная конференция «Литературные юбилеи 2022 года, информационно-библиотечная среда и проблемы компьютерной поэтики». Воронеж, ВГУ, 28 мая 2022; ВГУ; XIV Международная научная конференция «Универсалии русской и западной литературы». ВГУ. 1-2 декабря 2023 год, Воронеж, ВГУ; Международная научная конференция «Восток-Запад: антропологическое пространство в литературе и фольклоре» - ВГСПУ, 13.11.23; Межрегиональная конференция с международным участием «Литературные юбилеи 2023 года, информационно-библиотечная среда и проблемы компьютерной поэтики». Воронеж, Воронежский государственный университет, 20 мая 2023 года.; III Международная научная конференция «Воронежская филологическая школа: история и современное состояние». Воронеж, Воронежский государственный

университет, 17-18 мая 2024 года; Межрегиональная научная конференция «Литературные юбилеи 2024 года, информационно-библиотечная среда и проблемы компьютерной поэтики». Воронеж, Воронежский государственный университет, 1 июня 2024 года.

Результаты исследований были опубликованы в 5 статьях, опубликованных в журналах, входящих в перечень рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК РФ.

Композиционно работа состоит из введения, трех глав, заключения и списка литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** дается общая характеристика работы, поясняются основные понятия и категории спиритизма, выделяются используемые в работе термины, определяется актуальность работы и материал исследования, формулируются его объект и предмет, цель и задачи; описывается история изучения вопроса, дается обзор научной литературы по проблемам исследования, уточняются методы данной работы.

Первая глава «Спиритизм в русской культуре и литературе второй половины XIX века» посвящена изучению роли спиритизма в западном и российском культурном семиозисе. В параграфе *1.1. «Спиритизм как культурно–историческое явление»* очерчиваются наиболее значимые истоки спиритизма. Во-первых, это учение Сведенборга, внесшего рациональный элемент в мистическое учение о посмертном существовании души; во-вторых, это идеи Канта об ограниченных возможностях человеческого познания опытным путем; в-третьих, это доктрина месмеризма, согласно которой некоторые люди могут входить в состояние транса, дающего человеку способности к телекинезу, ясновидению и коммуникации с душами умерших.

История спиритизма с момента своего зарождения в Гайдсвиле в 1848 году была разделена нами на три этапа: развлекательный спиритизм 1850-х годов, когда «столоверчение» выступало в основном салонным развлечением;

религиозный спиритизм 1860-х годов, когда под влиянием идей Кардека спиритизм вырос в религиозное учение; научный спиритизм 1870-х годов, когда спириты пытались объяснить спиритические феномены в научных и позитивистских терминах.

Помимо этого, в первом параграфе выделяются три ключевых подхода к критике спиритизма – христианский, научный и философский, представленных, соответственно, святителем Феофаном Затворником, Д. И. Менделеевым и Н. Н. Страховым, а также прослеживается соотношение критики спиритизма Достоевским с этими тремя подходами.

Позиция Феофана, считавшего, что за спиритическими феноменами стоят бесы, ближе всего к позиции Достоевского, называвшего спиритические феномены проделками чертей. Но, в отличие от Феофана, Достоевский использует в своих текстах насмешливую интонацию, характерную для светских сатирических фельетонов о спиритизме.

Менделеев отвергал амбиции спиритизма быть наукой, научным изучением проблемы души и загробной жизни, поэтому опровергал спиритическое учение он с институциональной позиции науки – опровергал одни факты другими фактами, одни теории другими теориями. Достоевский оппонировал Менделееву, так как считал, что научные контраргументы не могут работать в религиозном поле: тут, с точки зрения Достоевского, Менделеев сближается со спиритами, поскольку они все занимаются одним и тем же – исследуют и изучают то, что не может быть исследовано и изучено.

Кроме того, Достоевского, в отличие от Менделеева, очень заботили социальные последствия антиспиритической полемики – фрагментация и изоляция в обществе, т. е. чаемый чертями раздор. Менделеев, с точки зрения Достоевского, своими действиями неосознанно для себя служил чертям так же, как и сами спириты, – способствовал ожесточению споров и конфликтов.

Страхов критиковал спиритизм с позиций идеалистического рационализма и отстаивал идею априорных знаний и универсальных истин. Для Достоевского подобная критика была неприемлема, поскольку идею

непреложности физических законов нарушает догмат о Воскресении. Кроме того, критике подавляющей и подчиняющей рациональности посвящены многие страницы его трудов. Вторжение рационализма в религию, по мнению Достоевского, было настолько же неприемлемо, как и вторжение спиритического эмпиризма.

Параграф 1.2. Спиритические мотивы в русской литературе второй половины XIX века; роман П. Д. Боборыкина «Жертва вечерняя» и в «таинственные повести» И. С. Тургенева. Сравнения рецепцию спиритических практик у Достоевского и современных ему писателей, можно выделить одну черту, характерную для большинства текстов о спиритах, – понимание спиритизма как симптома праздного и полного мистических суеверий образа жизни высшего общества. Эта оценка прослеживается как в статьях Достоевского из «Дневника писателя», так и в произведениях Тургенева, Льва Толстого и Боборыкина. Но этим дело далеко не исчерпывается.

Так, в романе П. Д. Боборыкина «Жертва вечерняя» спиритизм выполняет сразу несколько функций. Во-первых, для героини Боборыкина, в отличие от героев Тургенева и Толстого, он выступает поводом пересмотреть собственную систему ценностей и подталкивает к изменениям и развитию. Во-вторых, спиритическая философия Аллана Кардека проливает свет на поэтику романа: подобно душе в мире Кардека, подверженной ряду реинкарнаций на пути развития, героиня Боборыкина «перерождается», проживая несколько разных жизней на пути духовного и морального развития, руководимая, как медиум – душами, своими учителями. В целом можно сказать, что двумя ключевыми словами, описывающими поэтику романа, являются «развитие» и «перерождение». Героиня, Марья Михайловна, проходит путь, состоящий из нескольких аксиологически и онтологически радикально отличных периодов: праздная и бесцельная светская жизнь, распутная и интеллектуальная литературоцентричная жизнь, самоотверженная и душеспасительная сектантская жизнь, семейственная и уединенная воспитательная жизнь.

Каждый из этих периодов, за исключением первого, складывается из развития в заданной парадигме и разочарования в ней. Однако в итоге она терпит крах на этом пути, что приводит нас к третьему выводу: хотя спиритизм и являлся в XIX веке эмансипаторной практикой для женщин, давая им голос и субъектность, возможность организации практической деятельности и этического проповедования, он был явно недостаточен для этих целей, что и показал Боборыкин трагическим финалом своего романа.

В «таинственных повестях» Тургенева спиритизм выполняет две основные функции. Прежде всего, спиритизм служит способом рефлексии Тургенева над приемами повествования. В повести «Призраки» спиритизм используется писателем в качестве механизма, позволяющего взаимодействовать с историческим материалом. Эллис переносит героя в другой временной период, не отвечая на вопросы и не взаимодействуя с этими локациями, предоставляя герою-позитивисту возможность анализировать детали, события и людей. Автор-реалист, работающий с историческим материалом, оказывается в роли Эллис, перемещая читателя по оси времени и предоставляя ему возможность анализировать и толковать увиденное.

В повести «Песнь торжествующей любви» спиритические мотивы связаны со стилем и языком умершего автора. Это единственная повесть Тургенева, в которой изображено фантастическое действие без возможности его реалистического толкования (воскрешение мертвого), и это единственная стилизация в творчестве писателя. Особенности эти связаны друг с другом. Отсутствие языка у малайца тематически противопоставляет героя инстанции автора, не имеющего ничего, кроме языка. Такая оппозиция – тело без языка / язык без тела соотносится с некромантско-спиритической оппозицией тело без души / душа без тела. На месте медиума-спирита оказывается чистый язык – автор.

Стилизация – это воскрешением мертвого стиля посредством языка. «Песнь торжествующей любви» была посвящена памяти Гюстава Флобера, умершего за полтора года до публикации тургеневского произведения. И в нем,

как уже было замечено М. О. Габель, есть явные следы чтения «Искушения святого Антония» и «Саламбо». Напомним также, что Тургенев перевел «Легенду о святом Юлиане Милостивом» Флобера, тематически и стилистически близкую к «Песне...». Так что духом этой повести является именно флюберовский стиль, а Тургенев – медиумом, призывающим его.

Кроме того, спиритизм выступает у Тургенева одной из форм проявления частотной, эмблематической для его художественного мира пассивности героев, оказывающихся под воздействием той или иной внешней силы. Таковы, к примеру, медиум Василий, впавший в зависимость от Софи в «Странной истории», или медиум Аратов, впавший в зависимость от (умершей) Клары Милич в одноименной повести.

Сходным образом, у Достоевского связь со спиритизмом может выступать средством, характеризующим мировоззрение и идеологию героя на каком-то этапе его жизни (как в случае с Иваном Карамазовым, Шатовым, Кирилловым), и метарефлексивным принципом (в романе «Бесы»).

Во второй главе **«Спиритическая теология и поэтика в творчестве Ф. М. Достоевского»** анализируется система категорий ментального кругозора Достоевского, имеющих отношение к спиритической теме. В **параграфе 2.1. «Спиритизм в социально–философском и художественном кругозоре Ф.М. Достоевского»** устанавливается, что каждый положительный элемент этой системы имеет своего негативного двойника: коллективность может быть братством, а может быть стадом; социальная отчужденность может стать монашеским уединением; личность может быть положительным состоянием человеческой цельности, а может быть негативным состоянием самодовольства самости. Эти понятия обретают ту или иную семантическую окраску в зависимости от контекста. Единственным элементом, который может стабилизировать у Достоевского позитивное содержание этих понятий, является образ Христа. Без Христа все формы коллективности и все формы индивидуальности неизбежно становятся разрушительными. «Христос» – это то означающее, тот образ, который в любом контексте у Достоевского

является светлым и положительным и который может пролить свой свет на соседствующие означают. Изучение оппозиций, в которые включен Христос, позволяет понять, почему Достоевский не мог допустить того, что за спиритическими феноменами может стоять кто-то кроме чертей.

Для Достоевского был особенно важен тот аспект учения Христа, в котором Он гарантировал людям свободу, отказавшись давать им чудеса, которые могли бы избавить их от сомнений в вере. Вера и сомнение для Достоевского были неразрывно связаны: глубина сомнения усиливала глубину веры. Поэтому любые формы принуждения, контроля и доминации в религиозных, общественных и личностных вопросах не соответствуют этике Христа, а значит – оказываются на стороне чертей. Христос всегда оставляет человек свободу – свободу не верить, сомневаться, меняться, развиваться и преображаться. Христос никогда бы не дал научного и окончательного доказательства своего существования, поскольку это бы отобрало у человека свободу, оставив его навечно в рабстве успокоения. Уверенность и успокоенность в рабстве и однозначности – это то, что у Достоевского ассоциируется с бесовскими персонажами: шигалевщина, за которую выступает Петр Верховенский, церковь Великого Инквизитора, утопии Ставрогина и Версилова. Спиритическая доктрина, в основе которой лежит возможность «научного» доказательства загробной жизни, не может быть истинной, поскольку принуждает через «доказательства» убедиться в том, во что можно только верить, т. е. выступает формой принуждения.

Раздор Достоевский считал основной стратегией чертей, поэтому все слова и действия, ведущие к индивидуальному или групповому обособлению, являются бесовскими. Эта связь чертовщины и отчуждения проявляется как в размышлениях Достоевского о спиритизме (черти чередуют успешные и неуспешные сеансы, чтобы заставлять спиритов озлобляться и обособляться в секту), так и в его художественных произведениях. В романе «Братья Карамазовы» одержимые «бесом мелкого калибра» Федор Павлович и отец Ферапонт из-за лжи, самолюбия и стыда отчуждаются как от окружающих их

людей, так и от самих себя. Кроме того, экстернализация, вынесение внутренних противоречий вовне, относится Достоевским к той же категории «бесовского», поскольку материализует, вынося вовне, внутренние противоречия личности, поскольку расщепленная личность не может вступать в здоровые формы коллективности. Роман «Бесы», соответствуя своему названию, имеет в себе все отмеченные нами элементы демонологической системы Достоевского: подчинение людей другими людьми и идеями, проекция вовне собственных идей и комплексов, хаос и раздор. Все эти свойства демонического относятся и к спиритическому учению, поскольку материализация духов и упование на их ответы выносят вовне сомнение, которое само по себе понимается Достоевским как неотъемлемый элемент человеческого существования. Напротив, объективация сомнения отчуждает человека от самого себя и делает его открытым к манипуляциям со стороны властолюбивых лжепророков.

Эти же элементы используются Достоевским при конструировании образа черта, явившегося Ивану в «Братьях Карамазовых», а «Поэма о Великом Инквизиторе» выступает изображением демонического сценария, в котором Инквизитор с опорой на материальные чудеса (подобные чудесам спиритов) устанавливает общество тотального подчинения, из которого изгоняет Христа. Авторитет церкви инквизитора позволяет людям отказаться от тяжести знания о свободе и неопределенности, успокоиться и остановиться. А все атрибуты религии, в которой нет Христа, как было сказано в начале, приобретают отрицательную окраску. Без свободы в вере нет Христа, без Христа *паства*, ведомая Христом, становится *стадом*, ведомым Дьяволом, *неопределенность*, связанная со свободой, становится *смутностью*, вызванной бесами и т.д.

Самым сложным для трактовки в рамках относительно системной демонологии Достоевского является эпизод с чертом Ивана. На создание этого образа явно повлияли размышления Достоевского о спиритизме. Черт сам

заявляет о том, что очень любит спиритов, повторяя идеи Достоевского из дневника писателя о том спиритам «черты с того света рожки показывают».

О замерзании при перемещении в пространстве (вследствие чего черт и простудился) Достоевский тоже взял из околоспиритической литературы – из книги астронома Фламариона, который как раз писал «о путешествиях духов, не замерзающих в пространствах». И свой мир черт описывает как аналог нашего, с их собственными «средними веками» и даже их «семипудовыми купчихами», что противоречит христианской доктрине и напоминает путешествия по загробному миру Сведенборга, которые за основу позднее взяли спириты.

Черт Ивана несколько раз именуется «приживальщиком». Приживальщик у Достоевского устанавливает контроль над волей обитателей дома, в который он входит, и особенно его хозяина. Это для Достоевского тоже одна из ключевых характеристик темных (в том числе медиумических) сил: бесовщина – отказ от собственной воли и передача себя во власть другого. С этим же мотивом отказа от собственной воли связано и именование черта «лакеем».

Вообще, спиритический загробный мир – это торжество единообразия (разум сохранится, память сохранится), а значит, каждый новый мир из бесчисленных миров Сведенборга и Фламариона – только небольшая вариация этого мира. Вместо преображения и обожествления, в которые верил Достоевский, нас ждет в таком случае только подобие судьбы «тени кучера, которая тенью щетки чистила тень кареты».

Параграф 2.2. «Ф. М. Достоевский и Э. А. По: демонология и нарратология утопии». Достоевский при построении (анти)утопических сценариев в позднем творчестве обращался к своим выводам о «чертовской» сути спиритизма и положениям спиритических учений, как мы показали на примере «Сна смешного человека», в котором можно усмотреть влияние идей Дэвиса. В утопии рассказа «Сон смешного человека» воплощены сразу все

принципы учения Дэвиса: убежденность в бессмертии души, социальный строй в стиле французских утопистов, гармония с природой и вселенной.

Утопия «Сна смешного человека» – это не воплощение идеала христианской любви, чаемое Достоевским, а спиритическая утопия Дэвиса, хотя и отличающаяся от иронической зарисовки из статьи «Нечто о чертах...», но только во внешних чертах. Суть в них одна, и эта их суть Достоевским отвергается.

Для лучшего понимания этого аспекта рецепции Достоевским спиритических идей мы обращаемся к компаративному анализу того, как соотносятся «темные силы» и «утопические сообщества» у Достоевского и Эдгара По. Такой выбор был обусловлен, в частности, показательной интерпретацией Достоевским творчества По в статье «Три рассказа Эдгара По», а также не раз отмеченным влиянием американского писателя на произведения Достоевского, но в первую очередь – повышенным вниманием обоих авторов к означенным темам.

Сравнение утопических обществ у Достоевского и По дает возможность отчетливее, контрастнее выявить особенности истолкования у русского писателя темной основы искусственно конструируемых «идеальных» обществ. Так, у По есть рассказ, по своей сюжетно-нарративной организации явно напоминающий «Сон смешного человека»: рассказчик, представитель цивилизации, попадает в утопическое гармоничное общество и становится свидетелем его крушения, после чего возвращается в свой мир и рассказывает всем об основах той гармонии, которую он увидел. Это рассказ «Черт на колокольне», преподносящий эту историю в иронической модальности. Нарратор изображает утопическое общество, построенное на принципе размеренности, но этой утопии приходит конец, когда черт, «Дер Тейфель», заставляет часы ударить тринадцатый раз и тем самым разрушает математически точный баланс и гармонию. Рассказчик становится свидетелем этой сцены, покидает город и, подобно смешному человеку, проповедующему об увиденной им утопии, взывает о помощи «ко всем

любителям точного времени и капусты». Аналогичная ситуация, но без внешнего свидетеля, разыгрывается в упомянутом ранее рассказе «Маска Красной Смерти». Аббатство Просперо, «выстроенное наподобие замка», можно сравнить с «Хрустальным дворцом» Достоевского – образом, символизирующем утопическое общество, которому не суждено продержаться долго. Еще одним рассказом По, поднимающим интересующую нас тему утопии, является сатирический рассказ «Система доктора Смоля и профессора Перро». Формально, на уровне нарратива этот рассказ устроен так же, как и «Сон смешного человека» и «Черт на колокольне»: чужак оказывается свидетелем крушения утопического общества.

Сравнивая утопии Достоевского и По, можно сделать несколько выводов. Оба они не верили в возможность построения утопического общества (возможно, исключением могла бы стать христианская утопия любви Достоевского, но он так никогда ее полноценно художественно не изобразил), они всегда терпят крах. Но причины этого краха различаются. У По этой причиной обычно становится пришествие темных сил извне (черт в «Черте на колокольне», Красная Смерть в «Маске красной смерти»; надзиратели, «армия каких-то существ» в «Системе доктора Смоля и профессора Перро»). По считал, что замкнутые системы не могут существовать, внешняя сила всегда вторгнется и разрушит утопический мир (даже целую планету, как это сделала комета в рассказе «Разговор Эйрос и Хармионы»). У Достоевского же не черти разрушают системы, построенные людьми, а люди разрушают системы, построенные чертями (или которые черти могли бы построить).

Такая перспектива позволила нам полнее понять социально-политические взгляды писателя, поскольку западничество и буржуазность, как они изображались Достоевским, начиная с «Зимних заметок о летних впечатлениях», оказываются в своих свойствах близки демоническому: успокоенность в данном и готовом, «лакейство мысли», подчиненность чужой

воле и тотальное отчуждение. Всё это, как мы показали ранее, соответствует пониманию Достоевским сути спиритического учения: спиритизм – бесовское лжеучение, принявшее наиболее соответствующую буржуазному мировоззрению форму.

Третья глава «Ф. М. Достоевский и спиритический код эпохи» посвящена изучению основных художественных и мировоззренческих категорий Достоевского на фоне той семиотической системы, которую мы определили в качестве «спиритического кода». В параграфе 3.1. *«Идея, голос письмо у Ф.М. Достоевского: спиритическая перспектива»* особое внимание обращается на один семантический механизм, связанный прежде всего с фигурой Ставрогина. Коллажность его образа и расщепленность его личности позволили некоторым исследователям и критикам, начиная с Вальтера Беньямина, рассматривать его в качестве фигуры сюрреалистской эстетики. Но эта же фрагментация человека, возможность вызова отдельных его частей (конечностей, голоса) была характерной чертой спиритических воззрений и практик, а влияние спиритизма на художественные приемы сюрреалистов отмечались последними, начиная с Бретона.

Экстернализация и отчуждения были описаны во второй главе в качестве основных социальных проекций демонического у Достоевского. В третьей главе нами было прослежено, как подобное же выведение вовне голосов, идей и переживаний в «Бесах» функционирует в рамках этики и концепции личности Достоевского.

Персоналистская этика Достоевского подразумевает принятие идей, языка и чувств в качестве части своего Я, личную ответственность за них, но необходимость коммуникации требует их материализации – в голосе или письме. Такой же материализации требует и спиритический ритуал, на котором должен материализоваться канал коммуникации с загробным миром: либо голос, который овладевает медиумом или слышится всем участникам сеанса непосредственно «в голове», либо текст, возникающий в результате работы пишущего орудия, инициируемой духом. Но материализация

внутреннего мира без принятия на себя ответственности за него подвергает эти материализации опасности быть захваченными темными силами, бесами и чертями. Голос, как наименее материальный и наиболее личностный носитель, оказывается менее всего подверженным одержимости, а устная беседа – самым безопасным и этичным способом коммуникации. Такая безопасность устной коммуникации соответствует его малой эффективности в сравнении со словом письменным, которое может дойти до большего количества людей, но вместе с этим – уйти из-под сферы ответственности создавшей его личности. Именно поэтому «Бесы», как мы показали, является наиболее литературным и наиболее демоническим романом писателя. В спиритизме же голос настолько же оторван от субъекта, как и письмо, поэтому спиритические медиумы и медиумы в представлении Достоевского неизбежно оказываются игрушками в руках темных сил. Устное и письменное слово одинаково оторваны от (предполагаемого) субъекта высказывания, который использует человека-медиума как канал-медиум. Можно взглянуть на спиритическую практику иначе (если воспринимать её как мошенничество): медиум использует (предполагаемого) духа, чтобы выдать свой голос за чужой голос, свое слово за чужое слово. Возникает редкая метафизическая ситуация, в которой говорящий человек не отвечает за то, что говорит. В обеих трактовках ситуации (и как реальной коммуникации с духом, и как мошенничества) голос и говорящий разведены – даже слабая материальность голоса может быть использована для отказа от личной ответственности за него.

Спиритический медиум может озвучивать разные идеи, взгляды, воззрения – противоречащие друг другу и взглядам самого медиума – и отказываться от них. Среди персонажей Достоевского такую роль играет Ставрогин. Персонажи романа «Бесы» (собственно, сами бесы) – это голоса Ставрогина, высказанные им идеи, за которые он отказался брать ответственность, оторвал эти идеи от своего «Я». Эти голоса, воплощенные в качестве отдельных героев, уже сами обращаются к нему с требованием подтвердить свое авторство. Но и вопрос Шатова о Христе и истине, и планы

Петруши Верховенского, и другое Ставрогин оставляет без ответа. Ставрогин-коллаж, распавшись на множество голосов, не в состоянии их признать и инкорпорировать.

Также нами была отмечена схожая логика овеществления у Достоевского и Штирнера, для которых идеи, оторвавшись от создавших их личностей, приобретают псевдообъективность и начинают пытаться подчинить себе создателей. Это, собственно, и происходит со Ставрогиным. Подобную же логику мы отметили в семиотике двойничества Достоевского: двойник в таком понимании является более материализованной формой призрака.

Вместе с материальностью голоса и стоящей за ним идеи выходит на передний план и властный аспект голоса – голоса как акта доминирования и подчинения, наиболее ярко выражающегося в Кириллове и Петре Верховенском, находящихся в постоянной садомазохистской осцилляции. Кириллов одновременно хочет стать Богом, человекобогом, т. е. занять позицию абсолютного господства – господства над смертью, но при этом он и выполняет требования Верховенского, неохотно подчиняется его плану. Сам Верховенский выступает в роли диктатора в революционном кружке бесов, но сам желает занять подчиненное положение по отношению к Ставрогину, унижается и заискивает перед ним.

Та же закономерность прослеживается в философии творчества Достоевского: писатель, произведя художественный текст, борется с желанием отказаться от материализованных в нем идей и речи. В случае, если автор не способен совладать с этим желанием, текст становится открытым для захвата чертями. Именно это и произошло с Иваном Карамазовым и его творениями, вызвав встречу героя с материализованным чертом.

Таким образом, составными элементами демонического для Достоевского являются: экстернализация собственного голоса, идеи, мыслей или чувств путем их материализации (степень которой увеличивается от голоса до письма, от призрака к двойнику) и отказ от собственной свободы,

ответственности и решимости в отношении этой материализации, которая впоследствии запускает динамику господства и подчинения с самим экстернализирующим субъектом и/или другими людьми. Все эти элементы присутствуют в спиритическом ритуале, на котором присутствующие слышат (или видят) доказательства собственных воззрений, что позволяет участникам сеанса сбросить с себя личную ответственность за свои взгляды и отдаться во власть спиритических пророков.

Параграф 3.2. «Вокруг «Пушкинской речи» Ф. М. Достоевского». Достоевский отвергал спиритизм во всех его положениях – теологическом, антропологическом, этическом и др. – и кардинально расходился с его представителями во взглядах. Другое дело – спиритический код. Дух эпохи, произведшей на свет спиритическое учения, оставил свой отпечаток и в творческом мышлении Достоевского, что в последней части работы было продемонстрировано нами крупным планом на примере «Пушкинской речи».

Спириты регулярно занимались практикой коммуникации с духами умерших писателей, получали загробные произведения или ответы на вопросы о жизни писателей и их посмертном существовании. Этот феномен был достаточно известен в массовом обществе, и Достоевский в своей статье о спиритизме с известной долей иронии писал: «Гоголь пишет в Москву с того света утвердительно, что это черти. Я читал письмо, слог его». Следует отметить, что умершие авторы на спиритических сеансах, озвучивая мнения о своих текстах, загробной жизни или социальном устройстве земного общества, выдавали те же мнения, которых придерживались сам медиум и весь спиритический кружок. Таким образом, медиумы–спириты, выступая с позиции авторитета, в их представлении научно подтвержденного, использовали умерших авторов в качестве рупора для своих религиозных и социальных представлений (для остальных, разумеется, эта ситуация выглядела наоборот – медиум в качестве рупора для автора).

Но эта позиция не сильно отличалась от окончательно оформившегося во второй половине XIX века подхода профессионального литературного

критика или исследователя. Интерпретаторы, критики и филологи соревновались в своих трактовках, пытаясь поймать «подлинные» мысли писателя и сообщить о них читающей публике.

Вместе с этим в русской культуре происходил процесс увековечивания памяти Пушкина и, соответственно, материализации пушкинского мифа. Посмертная маска Пушкина, сделанная под наблюдением скульптора С. И. Гальберга, стала основой для создания памятников и бюстов по всей стране, так что у пушкинского мифа с самого момента его зарождения присутствовал загробный флер. Для спиритов же «материализацией» было частичное материальное воплощение духа, появлявшееся на сеансе и выступающее земным его аватаром. Можно провести параллель между «материализацией умершего в виде статуи» и «материализацией умершего в виде гипсовой фигуры» как двумя разными версиями полусекулярного культа.

Апогеем этих тенденций стал пушкинский праздник 1880 года, когда Общество любителей русской словесности собрало на открытие памятника Пушкину в Москве большое количество писателей, критиков и публицистов, чтобы каждый из них сказал для аудитории слушателей речь о Пушкине и его роли в современной жизни. Этот диспозитив может быть прочитан в очевидном спиритическом ключе: группа медиумов (интерпретаторы) должна передать мысли и мнения умершего поэта на сеансе (для аудитории) в присутствии материализованного духа автора (памятник Пушкину).

Достоевский, выступая на Пушкинском празднике 1880 года, принял на себя позицию критика, доносящего до публики истинные мысли и взгляды Пушкина, и в некоторых частях речи говорил даже как бы от его имени. Эта диспозиция была соотнесена нами с тем, что мы назвали «спиритической актантной формацией», задающей определенную коммуникативную логику: медиум для публики выражает истинные взгляды и мысли умершего. Подобное отношение «Я» и «Другого», поддерживаемое и оправдываемое с помощью позитивистских аргументов, позволяет «Я» выступать от лица «Другого» при коммуникации с публикой. Подчеркнем, что эта актантная

формация, обнаруженная нами в выступлении Достоевского на Пушкинском празднике, может быть обнаружена и в литературно-критическом дискурсе эпохи в целом, предполагающем, что критики доносят до читающей публики «истинные» мысли и взгляды писателей.

В **Заключении** подводятся итоги диссертационного исследования, определяются его пересечения с современной «хонтологической» рефлексией, намечаются перспективы дальнейшей работы по изучению спиритического кода в литературе и культуре.

**Основные положения исследования отражены в следующих
статьях, опубликованных в журналах, входящих в перечень
рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК РФ:**

1. Устимов О. В. Достоевский и спиритизм: к постановке проблемы / О. В. Устимов // Отечественная филология. – 2023. – № 4. – С. 103-109. – DOI 10.18384/2949-5008-2023-4-103-109
2. Устимов О. В. Спиритические мотивы в творчестве И. С. Тургенева (на материале «Таинственных повестей») / О. В. Устимов // Известия Воронежского государственного педагогического университета. – 2023. – № 3(300). – С. 165-169. – DOI 10.47438/2309-7078_2023_3_165.
3. Устимов О. В. Достоевский и По: демонология утопии / О. В. Устимов // Практики и интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований. – 2024. – Т. 9. – № 1. – С. 107-119. – DOI: 10.18522/2415-8852-2024-1-107-119
4. Устимов О. В. Вокруг «Пушкинской речи» Достоевского: спиритический код / О. В. Устимов // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. – 2024. – № 2 (53). – С. 54-60. – DOI: 10.36622/2587-9510.2024.53.2.008
5. Устимов О. В. Роман П. Д. Боборыкина «Жертва вечерняя» в спиритической перспективе / О. В. Устимов // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. – 2024. – Т. 21. – № 2. – С. 201-210. – DOI: 10.25587/2222-5404-2024-21-2-201-210